

промежутка времени — они были куплены неоднократно. Например, два раза покупали писчую бумагу — цена за десть в первом случае составила 7,5 д., во втором — 8 д.; четыре раза купили гвозди луженые — цена за колодку была неизменна и составляла 3 д.; четыре раза покупали крашенину — цена за аршин была 8 д. На основании этих данных возможно составление таблиц, которые позволят более детально проследить колебания цены на какой-то товар и при необходимости построить графики¹⁰. Таким образом, приходо-расходные книги Вологодского архиерейского дома XVII в. содержат данные о ценах на различные товары в одном из экономически развитых городов России того времени.

Примечания

¹ Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л., 1951. С. 3.

² Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX века: К вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве. Вологда, 1976. С. 52–54; Таможенная книга города Вологды 1634–1635 гг. / Сост. Е. Б. Французова. М., 1983. С. 14–15.

³ Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. С. 15.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Иванов В. И. Бухгалтерский учет в России XVI–XVII вв.: Историко-источниковедческое исследование монастырских приходо-расходных книг. СПб., 2005. С. 150.

⁶ Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церковью Вологодской епархии, XVII — начало XVIII в. / Сост. Н. В. Башнин. М.; СПб., 2016. С. 9–11.

⁷ Черкасова М. С. Брачность городского и сельского населения Вологды и Вологодского уезда в первой трети XVII в. (по приходо-расходным книгам архиерейской кафедры) // Материалы XIII Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI–XIX вв., Вологда, 3–4 окт. 2002 г. Вологда, 2003. С. 93–105.

⁸ Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома... С. 101.

⁹ Там же.

¹⁰ Башнин Н. В., Поляков И. А. Разработка базы данных о ценах в России XVII в. (по материалам приходо-расходных книг Вологодского архиерейского дома) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5. Пятые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. М., 2017. С. 278–293.

Э. Л. Дубман

ОСОБЕННОСТИ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ НА ПРОДУКЦИЮ ПРОМЫСЛОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ПОНИЗОВОГО ПОВОЛЖЬЯ В XVII — НАЧАЛЕ XVIII в.

В конце XVI — XVII вв. на территории европейского Юго-Востока складывается один из крупнейших в России районов промышленного рыболовства и добычи соли, который мы условно называем «Понизовое Поволжье»¹. Создание разветвленной производственно-транспортной инфраструктуры в интенсивно колонизируемом регионе, поступление на рынки страны продукции его

предприятий, сезонные миграции больших масс рабочих людей оказали глубокое воздействие на экономику страны.

Сложным и слабоизученным вопросом развития низовых промыслов является определение их рентабельности и бюджета. Насколько выгодна реализация производимой продукции? Какова ее себестоимость и как она влияла на процесс ценообразования? Что, прежде всего, определяло формирование цен на рыбу и соль — внутренние издержки самого промысла или рынок?

Для ответа на эти вопросы необходимо определить особенности бюджета промыслов, затраты на добычу и обработку продукции, ее хранение и транспортировку; складывание внутренней «домовой» и рыночной цен. Следует выявить всю цепочку формирования цены на продукцию от конкретного производящего предприятия и до места окончательной ее реализации.

Такая проблематика для промыслового производства конца XVI—XVII вв. отечественными историками изучалась лишь эпизодически. В основном их привлекали количественные и качественные показатели производимой и продаваемой продукции, колебания цен на рынках Низовья и других регионов².

Предложенная задача имеет постановочный характер. Выявить процессы ценообразования в регионе крайне сложно из-за состояния источников. Для изучения темы в основном использованы хранящиеся в РГАДА приходо-расходные книги и выписки из них, сказки учужных атаманов о предполагаемых расходах и доходах, отчасти таможенные книги и другие материалы. В отличие от книг, сказки содержат много лакун и неточностей. По промыслам светских предпринимателей, в том числе и крупного купечества, репрезентативные источники практически отсутствуют. Лучше обстоит дело с делопроизводством дворцовых и церковных промыслов. Оно, в основном, сохранилось по второй половине XVII — началу XVIII в. в фондах патриарших и дворцовых приказов, монастырей и т. д. Но разброс по отдельным предприятиям, фрагментарность источников не позволяют полно рассмотреть процесс ценообразования.

Конкретные данные и выводы о складывании системы цен по торгам Низового Поволжья, Нижнего Новгорода и другим содержатся в трудах Л. К. Ермолаевой и Н. Ф. Филатова, работавших с материалами Астраханской, Макарьевской и иных таможен³. Исследования И. В. Степанова, Н. Б. Голиковой, А. В. Пруссак⁴, Э. Л. Дубмана⁵ вплоть до настоящего времени остаются основными, раскрывающими процесс промыслового производства и его бюджетного сопровождения в Астраханском крае и в целом Низовом Поволжье в конце XVI — начале XVIII в. Первая и до недавнего времени единственная попытка определить бюджет учужных предприятий Астрахани в XVII в. принадлежит И. В. Степанову⁶. Однако его выводы по единичному учугу, состоящему только из забойки и городка, можно назвать лишь предварительными. Выделять из промыслового хозяйства крупного предпринимателя одну, хотя и важную его составляющую, не совсем корректно.

Базовой отраслью промыслового предпринимательства региона являлось рыболовство. В астраханской дельте его удобнее изучать по предприятиям патриаршего и местного митрополичьего домов, дворцового ведомства, отдельных монастырей; по среднему и нижнему течению Волги — по промыс-

лам крупнейших монастырей центра страны — Саввино-Сторожевского, Новодевичьего, Чудова, Вознесенского, Высоко-Петровского, а также Черноярскому дворцовому промыслу⁷.

Анализ расходных статей бюджета крупнейших промысловых заведений Астрахани (по приходо-расходным книгам патриаршего промысла 1680–1682 и 1704–1705 гг.; сказкам учужных атаманов Астраханского Троице-Сергиева монастыря начала XVIII в. и местного митрополичьего дома 1703–1705 гг.) свидетельствует, что затраты на производство были много выше, чем указывает И. В. Степанов⁸.

При этом все предприятия имели высокую рентабельность. Так, по патриаршему хозяйству начала 1680-х гг. общая доходная часть бюджета достигала 5000–5500 руб. (с учетом продукции, вывезенной для продажи в Нижний Новгород, Москву и для потребления в самой метрополии); чистая прибыль должна была составить более 3000 руб. Основной продукцией промысла являлись рыба и «рыбные припасы». Рубль, вложенный в их производство, давал не менее 2,5 руб. прибыли⁹. Но эта прибыль в бюджете астраханских промыслов практически не проявлялась. Основная часть их продукции отправлялась в Москву или на продажу в Нижний Новгород. Насадной промысел и рыболовные предприятия в Астрахани не имели единого бюджета и администрации, зависели от метрополии в финансовом отношении. Деньги за продажу продукции в «верховых» городах и значительная часть рыбы шли на патриаршее подворье. Взамен «сверху» отправляли хлеб, лес, снасти, а также деньги, так как средств, выручаемых от мелких продаж в Астрахани и сдачи рыболовных угодий в аренду, не хватало. Для определения бюджета промыслового комплекса методически верным было бы изучение всей совокупности приходо-расходных книг патриарших приказов, хозяйственных подворий в Нижнем Новгороде и других городах, насадного промысла и предприятий Астрахани. Но сделать это крайне сложно.

Вывод о высокой доходности патриарших понизовых предприятий подтверждает М. И. Горчаков. По его подсчетам, в патриаршей казне от 1665/66 и 1666/67 гг. в наличности за астраханские рыбу и соль собралось 14 453,96 руб. В домовых кладовых хранилась рыба, запасенная еще в 1663/64 г.¹⁰

Уточнить бюджет и особенности ценообразования позволяет использование широко применяемого в промысловом хозяйстве понятия «домовая цена». При определении стоимости рыбы и продукции из нее, а также соли, местная администрация, как правило, употребляла две системы подсчета — «домовая» и «астраханская торговая» цены. Под астраханской торговой ценой подразумевалась продажная рыночная стоимость произведенной продукции, господствовавшая в это время в Астрахани. Термин же «домовая цена» предполагал внутренние затраты на данном промысле на каждую единицу основной полученной продукции — рыбу «большим числом», жир, тешу и т. д. Это была практически себестоимость — оплата труда, расходы на питание, хлеб, одежду, оборудование, транспорт и т. д. Данное понятие было необходимо для внутривладельческих расчетов и отношений с метрополией. Сам механизм расчета домашней цены не совсем ясен, но ее широкое использование во внут-

ренней документации очевидно. Разница между астраханской ценой и домово́й означала не что иное, как степень доходности данного предприятия, его чистую прибыль. Наиболее полную сводку о соотношении астраханских и домовых цен дают материалы по патриаршему промыслу второй половины XVII — начала XVIII в.¹¹ За 1681/82 и 1682/83 гг. стоимость произведенной на промысле указанной выше продукции по домово́й цене составляла соответственно 1657,05 и 1945,65 руб. При этом имеется в виду не все производство рыбного промысла, а то количество продукции, которое было отправлено вверх по Волге в насадах и стругах. Между этими двумя показателями были несущественные, не влияющие на общую картину, различия. Вернувшись вновь к теме расходных статей отметим, что общие затраты на патриаршем промысле в начале 1680-х гг. составляли около 1700 руб. (а с неучтенными расходами до 2000 руб.). Расходы на рабочую силу, администрацию, питание съедали основную часть этой суммы, примерно 68–75 %. Все остальные траты приходились на оборудование, материалы и прочее.

Данные по более длительному периоду (1680-е гг. — 1703/04 гг.) показывают, что средние размеры расходов бюджета определены достаточно точно.

Затраты в промысловом хозяйстве астраханского митрополита и Троице-Сергиева монастыря были близки к патриаршим. Сложнее судить о дворцовом промысле, состоявшем из трех крупных учужных комплексов с несколькими забойками в каждом. Не сохранились сведения и о яйцком дворцовом хозяйстве.

Судя по патриаршему промыслу 1681/82 и 1682/83 гг., домовая цена была в 2,4–2,5 раза ниже, чем астраханская торговая. Приводить здесь ее размеры по видам рыбы и продукции не имеет смысла¹². Несмотря на все неучтенные затраты, очевидно, что астраханский рыбный промысел был рентабелен.

Рассмотрим теперь вопрос об организации, бюджете и ценообразовании на крупных «неводных» промыслах¹³. Основную часть рыбы в акватории Волги добывали наемные подрядные ловцы с собственными снастями и лодками¹⁴. Они получали оплату по «залову», в зависимости от количества и сортности улова. Рыба, пойманная ими, принималась по «закупочным» ценам. В последней четверти XVII — начале XVIII в. эти цены практически не менялись и лишь несколько снизились на белугу. В начале XVIII в. на крупных промыслах симбирского и самарского районов они были примерно одинаковы. При оплате за улов существовало несколько градаций, но различия между ними были невелики¹⁵. Богатые запасы ценных сортов рыбы в Волге, легкость ее добычи позволяли держать закупочные цены на низком уровне. Их размер зависел от района рыболовства. В саратовских водах и ниже по Волге подрядчики получали за добытую рыбу меньше по сравнению с самарскими и симбирскими водами, что было связано с большей продуктивностью рыболовства. К северу, напротив, цены возрастали. Например, на камских промыслах в 60-х гг. XVII в. стоимость выловленной мерной белуги была гораздо выше и составляла от 24 коп. за летнюю рыбу до 33 коп. за осеннюю¹⁶.

Разница в закупочных и торговых ценах позволяла предпринимателям получать значительный доход. Например, на промысле Саввино-Сторожевского монастыря по данным за 1678/79 г. соотношение между этими

показателями составило 2,3 раза; в 1684/85 г. — 2,52; в 1685/86 г. — 2,42; в 1686/87 г. — 2,58; в 1692–1694 гг. — 2,2; в 1701–1702 гг. — 2,29. По Новодевичьему монастырю оно в 1701–1702 гг. достигло 2,36 раза, в 1703 г. — 1,95¹⁷. При этом предприниматели тратили часть средств на хранение, переработку и транспортировку улова, а также пошлины.

Крупное неводное предприятие рубежа XVII–XVIII вв. имело совокупный доход в размере от 1 до 4,5 тыс. руб.¹⁸ По его размерам выделялись Черноярский дворцовый промысел и Надеинское Усолье Саввино-Сторожевского монастыря, а также старейшие в регионе хозяйства Чудова и Новоспасского монастырей. Значительно уступали им заведения Высоко-Петровского (от 1,2 до 1,5 тыс. руб. в 1702–1704 гг.¹⁹) и Новодевичьего монастырей, а также сибирский дворцовый промысел (вместе с откупными платежами около 1400 руб. в 1703 г.²⁰). Более скромное место занимали хозяйства Московского Вознесенского монастыря и Ф. Ю. Ромодановского (в 1703 г. — около 230 руб.)²¹.

К приведенным данным следует относиться осторожно. Часть из них взята из сводных источников, ряд других отражают ситуацию только за один год. Однако в целом они дают вполне убедительную картину о средних размерах крупного волжского промыслового предприятия. В начале XVIII в. только крупнейшие из них (Саввино-Сторожевского, Новодевичьего, Чудова, Новоспасского, Высоко-Петровского и Вознесенского монастырей) производили рыбы и припасов примерно на 10 000–12 000 руб. (по московским и нижегородским ценам того времени), чистая прибыль составляла около 5000 руб. По этим показателям они значительно превосходили рыбные промыслы Поморья, были сопоставимы с неводными промыслами Астрахани, но уступали учужным астраханским и яицким промыслам²². На 1 затраченный рубль приходилось от 1,5 до 2,2 руб. прибыли.

Как и в Астрахани, доходы крупного промыслового хозяйства были обусловлены, прежде всего, объемом добываемой и перерабатываемой рыбы. Все остальные статьи — за оброчные угодья, продажу оборудования и т. д., составляли сравнительно небольшую часть бюджета — от 3,5 до 11,0 %. Для Саввино-Сторожевского монастыря второй по значимости отраслью рыбного хозяйства были ежегодные зимние экспедиции на Яик для закупок рыбы. По рыночной стоимости их объем составлял до 1/3 местной добычи²³. Кроме того, монастырь получил право на беспошлинный провоз своей продукции²⁴. Для более глубокого изучения рентабельности промыслов, торговых экспедиций и т. д. необходима репрезентативная сводка цен на рыбу, однако, она пока не создана.

Добыча соли на астраханских озерах — второй по значимости промысловой отрасли региона — практически полностью обеспечивала рыболовство Понизового Поволжья (потребности Казанского края закрывала продукция Соли Камской). Это позволяло поддерживать на всей территории региона стабильный уровень цен на соль.

По мнению Л. К. Ермолаевой рыночные цены на соль в Астрахани были не выше 2 коп. за пуд, то есть самыми низкими в стране. Прибыльность при торговле солью в 1672–1674 гг. составляла 95 %²⁵, то есть себестоимость пуда

была не более 1 коп. Проверим выводы исследователя на материалах промысловых предприятий. Промышленники патриарших рыбных промыслов при заготовке соли организовывали свои экспедиции на соляные озера. Гораздо реже они нанимали подрядчиков-промышленников или просто закупали соль. Сводка всех имеющихся данных по таким экспедициям показывает, что в среднем себестоимость 1000 пудов составляла 3,84 руб. (а 1 пуда — менее 0,4 коп.)²⁶. Несколько ниже она была у подрядных промышленников — 3,46 руб. (но размеры выборки слишком малы). В дворцовом промысле в 1669 г. соляной промышленник П. Никонов изготовил 273 860 пудов, «а денег издержал» 1279,75 руб.²⁷, то есть себестоимость 1000 пудов составила 4,67 руб. Озерная «ломка» соли была прибыльным делом. Даже с учетом третних пошлин и сбора на право сгребать соль (они составляли в совокупности 5,9 руб. с 1000 пудов²⁸), промышленники получали значительный доход. В среднем при астраханской цене за соль примерно в 12 руб. за 1000 пудов²⁹ промышленники получали до 1/4–1/5 этой суммы (в последние десятилетия XVII — начале XVIII в. продажная стоимость 1000 пудов составляла около 12 руб., в 1672 г. — 10 руб., в 1674 г. — даже 9 руб.³⁰).

Доходы были выше (8–9 руб. за 1000 пудов), когда промышленников освобождали от пошлин. Судя по данным о домовых и астраханских ценах на соль патриаршего промысла, их соотношение без учета пошлин в 1681/82 г. составляла 1 к 4,52, а в 1682/83 г. — 1 к 3,88.

Размеры прибыли зависели от уровня организации экспедиции за солью, удаленности озер, безопасности добычи и других факторов. Все это определяло значительный разброс в себестоимости соли, составлявший от 2,75 до 6,12 руб. за 1000 пудов. В действительности затраты были, как правило, выше, так как в сохранившихся источниках учтены не все расходы.

Обратимся теперь к соляному промыслу Саввино-Сторожевского монастыря. Надеинское Усолъе, как и разработки на Яике, позволяло обеспечивать солью только сравнительно небольшую округу. Рентабельность его солеварения по данным приходо-расходных книг 1684–1687 гг. составляла примерно 2,1–2,14 руб. на один вложенный в промысел рубль³¹. На месте производства цены на соль колебались от 7,3 коп. за пуд в 1678/79 г. до 5,7 коп. за пуд в 1684–1687 гг. В центральных уездах они иногда поднимались до 28–32 коп. за пуд. Но это бывало редко. Обычно в 70–80 гг. XVII в. цена для метрополии и большинства приписных монастырей не превышала 9–12 коп. за пуд. Большую часть разницы в ценах съедали транспортные затраты. Например, в Пурдышевском монастыре в 1684–1687 гг. стоимость пуда в среднем составляла 9,9 коп., но только дорожные издержки достигали 2,1–2,2 коп. за пуд³². Внешний рынок был необходим промыслу для реализации готовой продукции и приобретения оборудования и материалов. Полицы, гвозди, скобы закупались в Москве, Устюге, других городах. Власти Надеинского Усолъя пытались уменьшить подобную зависимость от рынка за счет перебойки старого железа на месте, изготовления гвоздей и полиц своими мастерами и т. д. Наиболее рельефно эта тенденция проявилась в последней четверти XVII в.

Важным показателем распределения соли в регионе, подлинной «рыночности» Понизового Поволжья, являются цены. Сводка цен на соль в волжских городах у Н. А. Баклановой слишком фрагментарна и не позволяет выявить реальную ситуацию³³. Приводившиеся выше данные по Астрахани свидетельствуют, что в последние десятилетия XVII в. эксплуатация местных озер позволяла держать эти цены на одном, относительно стабильном уровне. Несколько иная картина вырисовывается по другим городам и промышленным центрам региона, прежде всего по Симбирску и Самаре. Здесь наблюдались значительные колебания цен даже в рамках небольшой округи. Например, по Симбирску в 1665–1667 гг. такой разброс составил от 12 до 18 коп. за пуд, причем большая часть соли была продана и роздана по «симбирской торговой цене» в 18 коп. (около 8000 пудов из 13 000)³⁴. В 1703–1704 гг. в том же Симбирске и его округе астраханская соль-бузун продавалась по цене от 4,5 до 7 коп. за пуд., а пермянка — от 5 до 7 коп. за пуд³⁵.

Полученные результаты позволяют уточнить представления о начальном этапе формирования цен на продукцию промышленных отраслей Понизового Поволжья, показать зависимость ценообразования от бюджетной составляющей производственного процесса крупнейших предприятий региона.

Примечания

¹ Дубман Э. Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI — XVII вв. Самара, 1999. С. 5–6.

² Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л., 1951; Дмитриева З. В., Крайковский А. В. Цены на рыбу и рыбпродукты в начале XVII в. (по приходо-расходным книгам Кирилло-Белозерского монастыря) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сб. материалов Второй междунар. науч. конф. (Курск, 2009 г.). Курск, 2009. С. 53–63; и др.

³ Ермолаева Л. К. Торговые связи Астрахани в XVII — первой четверти XVIII в.: (К проблеме формирования всероссийского рынка): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981; Филатов Н. Ф. 1) Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII веке: История. Архитектура. Горький, 1989; 2) Макарьевско-Нижегородская ярмарка: Очерки истории. Н. Новгород, 1997.

⁴ Пруссак А. В. Положение рабочих на рыбных промыслах в Астрахани в XVII веке // Исторический сборник. № 2. Л., 1934. С. 169–182; Степанов И. В. 1) Организация соляных промыслов в низовьях реки Волги в XVII веке // Ученые записки. Серия исторических наук / Ленингр. гос. ун-т. Вып. 8. Л., 1941. С. 146–162; 2) Хозяйственная деятельность Московского правительства в Нижнем Поволжье в XVII веке // Ученые записки. Серия исторических наук / Ленингр. гос. ун-т. Вып. 5. Л., 1939. С. 80–142; Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII — начала XVIII в. М., 1982.

⁵ Дубман Э. Л., Кабытов П. С., Тагирова Н. Ф. Очерки истории юго-востока Европейской России. Самара, 2004; Поволжье — «внутренняя окраина» России: Государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI — конец XX вв.). Самара, 2007.

⁶ Степанов И. В. Хозяйственная деятельность Московского правительства... С. 116–117.

⁷ Дубман Э. Л., Кабытов П. С., Тагирова Н. Ф. Очерки истории юго-востока Европейской России. С. 5–117, 249–275.

⁸ Там же. Табл. 18, 19, 20–22, 26–35. С. 265–268, 270–275.

⁹ Там же. Табл. 35. С. 275.

¹⁰ Горчаков М. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода (988–1738 гг.): Из опытов исследования в истории русского права. СПб., 1871. С. 427.

¹¹ Дубман Э. Л., Кабытов П. С., Тагирова Н. Ф. Очерки истории юго-востока Европейской России. Табл. 4, 34, 35. С. 253–255, 274–275.

¹² РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 3.

¹³ Голикова Н. Б. 1) Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII века. М., 1965; 2) Очерки по истории городов России конца XVII — начала XVIII в.; *Бакланова Н. А.* Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в.: К истории формирования русской буржуазии. М., 1959; Дубман Э. Л., Кабытов П. С., Тагирова Н. Ф. Очерки истории юго-востока Европейской России.

¹⁴ Голикова Н. Б. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII века. С. 101.

¹⁵ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684 г. Л. 29–32, 70–72, 104–106; Ф. 159. Оп. 1. Д. 59. 1692–1694 гг. Л. 3–5; Дубман Э. Л., Кабытов П. С., Тагирова Н. Ф. Очерки истории юго-востока Европейской России. Табл. 7. С. 258–259.

¹⁶ РГАДА. Ф. 125. Оп. 2. Д. 323-а. Л. 2–16, 47–57 об.

¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 29. 1683 г. Л. 1–8; Д. 35. 1684 г. Л. 1–144; Ф. 159. Оп. 1. Д. 59. 1692–1694 г. Л. 1–19; Ф. 11. Д. 70. Л. 20–31; Ф. 26. Д. 54. Ч. 9. Л. 74 об.–75, 84 об., 89–91; Дубман Э. Л., Кабытов П. С., Тагирова Н. Ф. Очерки истории юго-востока Европейской России. Табл. 5. С. 256–257.

¹⁸ Дубман Э. Л., Кабытов П. С., Тагирова Н. Ф. Очерки истории юго-востока Европейской России. Табл. 8, 13–17. С. 259, 262–265.

¹⁹ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 49. Л. 110–116 об.; Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1139. Л. 14 об.–22, 91 об.–99 об.

²⁰ Там же. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. 9. Л. 6 об.–7 об.

²¹ Там же. Л. 33 об.

²² Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. М., 1872. С. 242–243; *Борисов А. М.* Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI–XVII веках. Петрозаводск, 1966. С. 170–171; *Степанов И. В.* Хозяйственная деятельность Московского правительства... С. 116–121.

²³ Дубман Э. Л., Кабытов П. С., Тагирова Н. Ф. Очерки истории юго-востока Европейской России. Табл. 8, 15. С. 259, 264.

²⁴ АИ. Т. 5. СПб., 1842. № 62. С. 91; № 107. С. 170–175.

²⁵ *Ермолаева Л. К.* Торговые связи Астрахани в XVII — первой четверти XVIII в. С. 70.

²⁶ Дубман Э. Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья во второй половине XVI–XVII вв.: Дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2000. Табл. 36, 57, 58. С. 570–572, 589–590.

²⁷ РИБ. Т. 21. СПб., 1907. Стб. 1483.

²⁸ Непонятно, как считал И. В. Степанов, у которого получилось 5,9 руб. за 1000 пудов (см.: *Степанов И. В.* Организация соляных промыслов в низовьях р. Волги в XVII в. С. 150).

²⁹ Данные по патриаршим промыслам показывают продажную цену в Астрахани с 1679 по 1704 гг. от 11 до 13,5 руб. за 1000 пуд. См.: РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 3. Л. 36 об.–43, 104–104 об., 200–201 об., 244–247, 431–433 об.; Ф. 235. Оп. 2. Д. 84. Л. 283–284, 397 об., 423 об.–424; Ф. 26. Оп. 1. Д. 12. Л. 250–251, 264, 267; и др. См. также: *Степанов И. В.* Организация соляных промыслов в низовьях р. Волги в XVII в. С. 150.

³⁰ Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII — начала XVIII в. С. 65, 135.

³¹ Дубман Э. Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья во второй половине XVI–XVII вв. Табл. 59–63. С. 591–595; РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684 г. Л. 1–144.

³² РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684 г. Л. 1–144 об.

³³ Бакланова Н. А. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в. С. 82.

³⁴ Зерцалов А. Н. Материалы для истории Синбирска и его уезда: (Приходо-расходная книга Синбирской приказной избы), 1665–1667 гг. Симбирск, 1896. С. 255–266.

³⁵ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. 9. Л. 12 об., 23 об., 24 об., 30 об., 34 об.

Е. А. Ляховицкий

БУМАГА «ПИСЧАЯ», «СКОРОПИСНАЯ» И «КНИЖНАЯ» В РАСХОДНЫХ ЗАПИСЯХ РУССКИХ МОНАСТЫРЕЙ XVI в. *

Среди различных аспектов торговли Русского государства особое место не столько для экономической истории, сколько для истории культуры занимает импорт бумаги. Для XVI в. источниковая база для его изучения достаточно ограничена. Учитывая то обстоятельство, что материалы западноевропейских контрагентов русских покупателей бумаги опубликованы в незначительной степени и малодоступны для отечественных исследователей, а русские таможенные материалы рассматриваемого периода почти не сохранились, особое значение имеет довольно объемный массив приходо-расходных записей. Тем не менее и он далеко не полон. При том, что львиная доля подобных записей принадлежит монастырям, не известны записи такого крупного центра письменной культуры как Троице-Сергиев монастырь, а для Кирилло-Белозерского монастыря они дошли лишь фрагментарно. Ограничен этот массив данных и хронологически — в основном он охватывает 1570–1590-е гг. И тем не менее имеющиеся материалы все же дают информацию о видах и стоимости импортировавшейся бумаги, а также позволяют составить представление о терминологии, использовавшейся в этой сфере.

Терминология, применявшаяся для характеристики бумаги, рассматривалась в литературе. Так, А. Г. Маньков отмечал три «наиболее употребительных» вида бумаги: писчая, книжная, александрийская. При этом «разница в цене писчей и книжной бумаги была крайне ничтожной (1 деньга на десть), иногда вовсе не было никакой»¹. Г. Ленхофф отметила те же три вида бумаги и высказалась еще более однозначно относительно двух первых: «термины “писчая” и “книжная” использовались свободно, иногда взаимозаменяемо»² (перевод мой. — *Е. Л.*).

В большинстве приходо-расходных записей закупаемая бумага никак дополнительно не характеризуется или характеризуется как «писчая», по всей

* Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук № МК-4732.2016.6.